

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
РОССИЯ

г. Москва

22 ЯНВ 1985

Елена Камбуrowa

ВСТРЕЧА ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

Творить образ песни

Рисовать голосом?.. Да, невозможно удержаться от переосмысления картины-песни.

«Ходят кони».

Черное платье сливается с темнотой сцены. В луче света — только лицо, словно луна в ночном небе. Минимум пластики и мимики. Максимум голоса. Голос рождается в темноте, как полоска рассвета: воспаленными красными нитями занимается восход. На этом фоне — пепельные, бледные кони: «Как же коням быть? Кони хотят пить...»

Голос крепнет. Разманистый, напряженный, отчаянный мазок: круто, круто под ногами, до головокружения: «Ни тропиночки пологой!» И — голос взрывается знаменем: «Голос и прыгнул конь буланый да с той кручи окаинной...» Голос — отчаяние, полет, падение, боль...

И так — каждая песня.

Ни радио, ни телевидение, ни пластинка не могут полностью передать все богатство таланта Елены Камбуrowой. Только — концерт. Не одна-две песни в эстрадной программе, а именно большое выступление. Потому что каждый ее концерт — спектакль.

...Концерт кончился. И наступили будни. Но праздник словно продолжился, когда я встретила с Камбуrowой.

— Для меня существуют два четко разграниченных понятия, — говорит она тихо и раздумчиво, — «публика» и «зритель». Публика приходит в театр из любопытства, по принципу «как и все». Я пою для зрителя — потенциального друга, для людей, которые хотят слушать и слышать, смотреть и видеть: потому что словами поэтов и музыкой композиторов я рассказываю о собственном сокровенном. Мне хочется, чтобы каждый концерт был встречей единомыслящих и единочувствующих, встречей друзей. Ведь дружба — это радость совпадений. С друзьями одинаково смотришь на мир, одинаково чув-

ствуешь весну, осень, деревья... Общение с другом — душевный праздник: душа ликует от совпадений.

Но не всегда бывает так. Потому что все же есть и публика. Я не верю певцам, утверждающим, что искусство все всегда понимают. Нет, не все и не всегда. Да и степень понимания бывает разной. Иногда мне кажется, что я так же смешна, как человек, преподающий высшую математику в первом классе. Но ведь я не о формулах пою, а об общечеловеческом: боли, радости, любви... И хочется рассчитывать в ответ на человеческие чувства, на эмоциональный контакт. И в принципе не страшно, если сначала меня поймут не умом, а сердцем. Ведь в детстве мы многое не понимаем — как растет трава, сменяются времена года, но мы воспринимаем все это эмоционально, чувственно. Главное, чтобы человек был открыт встрече с прекрасным, чтобы впитал все услышанное хотя бы эмоционально, подсознательно. И это уже повлияет на его внутренний мир. Вот на такой контакт я и рассчитываю. Всегда жду от сидящих в зале открытости, подвижности. И просто больно бывает за людей с замками предубеждений, не пускающих песню в душу. Я и популярности боюсь потому, что благодаря ей преимущество в зале окажется на стороне публики, как это случилось в некоторых популярных театрах Москвы. Тогда мое дело умрет: зритель просто не пробьется сквозь публику.

— Елена Антоновна, создание песен на классические стихи по сложности, наверное, равноценно экранизации литературных произведений. Ведь со временем у людей вырабатывается стереотип восприятия поэзии. Или в лучшем случае складывается сугубо личное звучание стиха. Поэтому неудивительно, что из песен вашего репертуара самые горячие споры вызывают песни на стихи Блока и Мая-

ковского. Вы знаете, что многие зрители-слушатели не принимают вашу трактовку стихотворения «Девушка пела в церковном хоре»?

— Да, у стихов Блока вообще интересная музыкальная судьба. На примере отношения к ним я ощутила всю силу предубеждения и стереотипа — и у себя, и у зрителя. «Девушка...» одно из самых известных блоковских стихотворений, оно у всех на слуху. Абсолютно разные композиторы писали к нему почти одну и ту же музыку. За свою жизнь я слышала десятки вариантов. Но песни не становились моими, не звучали, я ими не мыслила и не чувствовала. И вдруг — музыка Камбуrowой. С первого прослушивания поняла — это мое. Выучила и включила в программу. Потом появились «Балаган» и «Балаганчик». Как-то раз я услышала «Балаганчик» на музыку Свиридова в исполнении хора мальчиков. В первую минуту не согласилась с композитором, не приняла его песню, но потом заставила себя забыть все слышанное до этого... Так мне открылась вторая интересная трактовка любимого стихотворения.

А «Девушка...», пожалуй, самая симфоническая из моих песен. Наверное, поэтому она нравится в основном людям, глубоко понимающим классическую музыку.

Почему я так много пою Маяковского? Тут я выступаю как адвокат: в школе удивительно крепко формируют стереотип Маяковского — «горлана-главаря». Мы как-то забываем, отодвигаем Маяковского лирика, раннюю душу, рыцаря. В музыке это точно и тонко почувствовал Дашкевич. И родился цикл его песен, который мне очень дорог.

— Почему, на ваш взгляд, до сих пор нет театра песни? Кто не готов к появлению такого театра — зритель или эстрада?

— Истинный театр — это всегда напряжение душевных

сил. А мы сейчас находимся в таком положении, когда многие камерные певцы отказались от создания образа тех, о ком или от чего имени они поют. Слушателю чаще демонстрируют вокальные данные, возможности голоса стали самоцелью. А голос должен быть средством! И если в опере, спектакле артистам удастся создать образ, то на концерте они часто забывают о герое своей арии, ограничиваются вокализированием. Эстрадные же певцы иногда просто-напросто драматически не одарены. При серьезном отношении исполнителей песня может изменить человека. Поэтому нужен новый жанр, новый театр.

— Вы мыслите театр песни как театр одного актера?

— С созданием театра песни решилась бы самая острая проблема, пожалуй, всех наших эстрадных певцов — проблема режиссера. Ведь режиссер необходим даже в работе над одной песней, не говоря уж о концерте. Пока у меня режиссер — моя интуиция, внутреннее слышание и видение песни. И тут неизбежны проблемные ситуации, как, например, со стихами Ники Турбиной. Ясные стихи! Но они выпадают из программы, сбивают ритм, поэтому теперь я почти не включаю их в концерт. И понимание этого пришло не сразу.

— А зрители помогают вам каким-то образом в работе?

— Конечно, ими-то я и живу. У меня много друзей в разных городах, и пришли они из зрительного зала. Очень помогают мне и письма. Ведь я не в состоянии прочесть все хорошие стихи, существующие на земле, услышать всю хорошую музыку. А зрители присылают подборки, просто впечатления, открывающие мне новые имена или неизвестное в поэтах. И я, как скупой рыцарь, все это собираю, коплю. Так постепенно формируется новая программа.

С. КУЗНЕЦОВА.